

УДК 930.85

Т. Е. Покотилова

**ЗЕМСКОЕ ВНЕШКОЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ
В МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ НА СТАВРОПОЛЬЕ В 1913–1916 ГГ.**

Историческая наука, особенно ее зарубежные представители, до недавнего времени практически отказывала дореволюционной России в наличии в ее истории модернизации как таковой исходя из отсутствия ряда присущих классической модернизации составляющих трансформаций, имевших место в социально-экономической истории нашей страны. Предлагаемый материал по истории работы Ставропольского губернского земства по организации внешкольного образования в губернии в

1913–1916 гг., наоборот, дает примеры тех самых значимых структурных, культурных и психических изменений в Российской империи начала XX века, которые классифицируются как именно модернизационные изменения.

Ключевые слова: земство, модернизационные процессы, Ставропольская губерния, начало XX века, внешкольное образование, общественная инициатива, культурный уровень населения, народные дома.

Т. Е. Pokotilova

**ZEMSKY ADULT EDUCATION IN THE MODERNIZATION PROCESS
IN THE STAVROPOL REGION IN 1913–1916**

Until recently, historical science, especially its foreign representatives, virtually denied that pre-revolutionary Russia underwent stock modernization, pointing out the lack of a number of inherent classical modernization components in the socio-economic transformations in the country's history. The given material on the history of activities of the Stavropol elective district council on the organization of adult education in

1913-1916, on the contrary, gives examples of significant structural, cultural and mental changes in the Russian Empire in the early XX-th century, which are classified as modernization changes.

Key words: zemstvo (elective district council), modernization processes, Stavropol region, early XX-th century, adult education, public initiative, cultural level of the population, people's homes.

Согласно общепринятому мнению критерием классической модернизации является формирование высокодифференцированных общественных структур [3, с. 10]. Именно этому подходу отвечает история европейской модернизации, в том числе и новейшая история процесса вхождения стран Восточной Европы в сообщество западных постиндустриальных наций. История же России как «европейско-азиатской империи и культуры, отчасти базирующейся на византийской традиции», позволяет изучающим ее трансформации следовать в этом плане за А. Гершенкроном, концентрирующимся, прежде всего,

на экономических аспектах модернизации [13, р. 5–30]. В отношении стран с отсталой (по сравнению с Западом) экономикой, но с необходимыми ресурсами, институциональными предпосылками и мобилизационной идеологией для него и его учеников не играли решающей роли не только такие факторы, как асинхронность процесса индустриализации, но и наличие диспропорции в дихотомии «экономика – общество». Это, в свою очередь, позволяет нам также отказаться от взгляда на историю России и ее развитие в опоре лишь на такие обобщающие категории, как отсталость или прогресс.

В этом смысле для интересующихся проблемами модернизационных процессов в России на протяжении ее длительного развития удобен методологический комплекс исторических измерений, оформившийся на базе предложенного Хансом ван дер Лоо и Виллемом ван Рейном определения модернизации как комплекса «взаимосвязанных структурных, культурных, физических и психических изменений, который кристаллизовался на протяжении прошедших столетий и тем самым сформировал мир, в котором мы живем в данный момент, причем всегда движимый в определенном направлении» [14, s. 11].

В 2011 году на базе исторического факультета Ставропольского государственного университета начал работу Научно-образовательный центр исторических измерений модернизационных процессов в России. Действуя на территории Ставропольского края, Центр существенное количество научных изысканий связывает с историей Ставрополья и Северного Кавказа в целом. Коллективом ученых – сотрудников Центра реализуется ряд проектов, ориентированных на изучение тех структурных и культурных изменений, которые определяли и определяют характер и темпы модернизации в регионе. Одно из направлений подобных исследований связано с содержанием и спецификой истории становления и эволюции на Северном Кавказе системы местного самоуправления. Доктора исторических наук Н. Д. Судацов [11; 12], Т. А. Невская [5; 6; 7], Т. А. Булыгина [1; 2], Т. Е. Покотилова [8; 9; 10] разрабатывают как общие вопросы истории местного самоуправления в регионе, так и проблемы влияния органов самоуправления на решение различных социально-экономических, культурных и иных задач.

К примеру, деятельность земства в сфере повышения культурного уровня населения Ставропольской губернии остается одной из слабоизученных пока сторон деятельности органов местного самоуправления. Пограничный статус Ставрополья, особенности сравнительно недавнего ос-

воения Россией этой территории во многом предопределили, как известно, достаточно позднее, по сравнению с внутренними губерниями Российской империи, введение здесь земского управления. Начав функционировать только лишь в 1913 году, ставропольское губернское земство встало перед необходимостью решения тех масштабных задач, которые большинство российских земств реализовывали уже на протяжении почти полувека. Да и усложнявшаяся в условиях модернизационных преобразований и научно-технического прогресса начала XX века социально-экономическая обстановка продуцировала в большом числе новые и достаточно сложно решаемые проблемы. Ставрополье, базировавшееся на развитии капиталистическом сельскохозяйственном производстве, при этом стояло перед необходимостью разрешения и связанных с этим собственных социальных задач.

Конечно же, важнейшей задачей созданного в губернии земства стала организация адекватного потребностям экономики образования и повышение культурного уровня всех слоев ее населения.

Вот как о ситуации с уровнем и масштабами организации современного им образования на местах говорили сами земцы: «Лет 200 тому назад крестьянин-самоучка Посошков мечтал на тему о том, „чтобы и в малой деревне не было неграмотного человека“ и предлагал свои меры и планы к осуществлению этого, уже в то далекое время казавшегося ему неотложным, дела. Но от осуществления этой мечты мы и теперь, 200 лет спустя, все так же далеки: не только в „малой деревне“, но в большом городе неграмотных сколько угодно, и родина наша по проценту грамотности занимает среди культурных стран едва ли не самое последнее место. <...> Для нашей губернии вопрос о необходимости вечерне-воскресных занятий со взрослыми и начальных школ грамоты для взрослых усугубляется недостаточностью числа начальных школ для всего населения. Громадный процент детей школьного возраста остается за бор-

том начальной школы и дает впоследствии огромный контингент безграмотных, невежественных взрослых» [4, с. 33].

Поэтому, понимая всю важность приоритетов собственных задач в образовательной сфере, делегаты третьего очередного губернского земского собрания 1915 года поддержали и несколько, казалось, преждевременные для Ставрополя «взгляды передовых земств» страны: «Правильное и успешное развитие хозяйственной, общественной и государственной жизни возможно только при высоком культурном уровне всего населения. Школа, даже при самой совершенной ее постановке и при значительной продолжительности курса, не может удовлетворить повышаемых ею самой запросов населения как потому, что обслуживает в каждый данный момент сравнительно небольшую часть населения и при том еще не принимающую активного участия в общественной жизни, так и потому, что приобретенные в школе знания без дальнейшего укрепления и пополнения их скоро забываются, вследствие чего затраты на школьное образование без организации внешкольного образования являются малопродуктивными. В силу этих соображений внешкольное образование должно занять самостоятельное место в ряду мероприятий, направленных к поднятию культурного уровня населения и быть признано со стороны общества и государства, во всяком случае не менее ценным, чем образование школьное, и должно быть признано одинаково необходимым» [4, с. 7–8].

В одном из докладов, звучавших на этом земском собрании, анализировалось состояние просветительской работы в губернии до введения земских учреждений: «Библиотеки Попечительства о народной трезвости...совершенно не функционируют и книги в них лежали и лежат мертвым материалом без всякого движения; местное общество распространения народного образования по губернии, в силу недостаточности своих средств, не могло широко развить свою деятельность; кооперативы – как частно-экономический институт, – толь-

ко за последние годы начинают включать в программу своей деятельности просветительские функции: – и население губернии оказалось вне влияния всяких просветительских организаций, просто не имея их» [4, с. 8].

Земство создало несколько «культурных ячеек» для просвещения взрослого населения губернии и характеризовало этот опыт на одном из очередных губернских собраний в 1915 году как в высшей степени удачный и глубоко отвечавший «потребностям и тяге населения к свету», хотя и трудным в реализации. По состоянию на 1915 год, в условиях ведущейся войны, в Ставропольской губернии под патронажем земцев уже активно действовали 6 народных домов и 15 библиотек-читален [4, с. 8].

Летницкий народный дом был открыт 6 декабря 1914 года – уже шла Первая мировая война. С 1 января по 1 декабря 1915 года библиотека при этом народном доме получила 500 подписчиков, большинство из них – взрослые. Книг за этот период было выдано 5 836 штук. Большинство читателей интересовались беллетристикой, небольшая группа – религиозными вопросами, историей, естественными науками, «человек 40–50 подростков запоем читают военные книги». За 11 месяцев читальню посетили 6 178 человек, в среднем – 500 посещений в месяц. Распределение времени работы библиотеки-читальни было «строго согласовано с местными условиями и потребностями населения». Среди читателей проводилось анкетирование и велась работа по «созданию рекомендательных каталогов книг». Так как село было протяженным, для окраин были организованы две «сумочные библиотеки»: одна из 40, другая – из 50 книг.

В Летницком народном доме лекторы-земцы читали пользовавшиеся популярностью у населения лекции по аграрной тематике. Популярной стала и открытая при народном доме вечерне-воскресная школа, в которой 3 группы взрослых обучались к концу 1915 года «начальной грамоте, письму и арифметике».

Летницкий народный дом организовывал спектакли, концерты, выставки. В 1915 году прошли выставки: 1. «О войне». 2. «По истории и географии России». Их посетили в общей сложности 2000 человек. На выставках «производились соответствующие пояснения, велись популярные беседы».

При всем этом многое в работе Летницкого народного дома зависело от энергии и возможностей его руководителя г-на Руновского. Ему приходилось помимо всего перечисленного «давать советы по разнообразнейшим вопросам, главным образом, юридическим. Снабжать всевозможными каталогами, выписывать книги и т. д.». А вот сельская «интеллигенция... в большинстве случаев к работам народного дома» относилась «довольно равнодушно», как свидетельствовал участник земского губернского собрания.

Примером, подтверждающим назревшую в крестьянском социуме потребность в расширении кругозора путем приобщения к чтению, может служить факт огромного интереса жителей села Большая Джалга к началу деятельности там народного дома, и в первую очередь библиотеки при нем. Так, с момента ее открытия в августе 1915 года и до 1 декабря того же года число подписчиков составили 228 человек, в среднем в течение месяца ими бралось 500 книг. По возрастным группам подписчики распределялись следующим образом: дети от 11 до 13 лет – 57 чел., подростки от 14 до 17 лет – 63 чел. и взрослые – 108 чел. При этом подавляющее их большинство – земледельцы, или имевшие к ним отношение. Более того, практически все они «до открытия библиотеки при народном доме никогда никаких книг не читали» и заведующему приходилось «усиленно руководить чтением и выбором книг». Наибольшим же спросом пользовались «сочинения Л. Толстого, которые почти не возвращаются на полки книжного шкафа, и по выдаче немедленно передаются в тот же день в следующие руки».

Для менее грамотных крестьян при народных домах организовывались читальни: «...так как читальню посещает много кре-

стьян, доселе не читавших газет совсем, а также масса неграмотных, то газеты в большинстве случаев читаются вслух с соответствующими разъяснениями, обзорами и т. д., с указанием, где можно более подробно прочесть о том или ином явлении» [4, с. 13].

То, насколько серьезно Ставропольское губернское земство относилось к внешкольному образованию как к возможности приобщения простых людей к знаниям и грамоте, а также само значение для взросления и социализации локальных сообществ по активизации этого процесса, достаточно точно характеризует выдержка из земского доклада «О деятельности существующих пунктов внешкольного образования»: «Непродолжительный опыт работы Губернского земства по внешкольному образованию доказал, насколько назрела нужда в культурных учреждениях. В тех местах, где трудно было ожидать спроса на книгу, с открытием библиотек определился такой наплыв желающих, что пришлось спешно пополнить библиотеки... Отношение населения губернии к библиотекам и народным домам превзошло все ожидания; из многих сел, не имеющих пунктов по внешкольному образованию, идут просьбы открыть библиотеку или народный дом и у них, обещаются денежные пособия, бесплатные помещения... Закрывание винных лавок, переживаемая Россией война, вызвали такие запросы на книгу, что приходится только удивляться, где это до сих пор таилось. Женское население сел, на которое мало было надежды в смысле привлечения к просветительным учреждениям, уже читает газеты в читальне, требует разъяснений у библиотекаря непонятного, записывается в вечерне-воскресную школу» [4, с. 22].

В докладе Губернской управы «О дальнейшей деятельности по внешкольному образованию с представлением сметы на 1916 год» приводятся факты стремления различных общественных объединений (Петровского сельскохозяйственного общества, Романовского и Терновского кредитных товариществ и др.), сельских обществ к созданию подобных заведений, в том числе

с предложением взять на себя их содержание или приобретение для них помещений. И это в условиях достаточно враждебного отношения населения к земству, что было характерно для Ставропольской губернии. Более того, такая работа губернского земства разворачивала постепенно все больше людей к нему лицом. Примеров, подтверждающих это, – масса: чего стоил «говор», распространявшийся в народе: «... мы вот земства не хотим, а оно нам посылает книги, газеты, устроило школу для взрослых, заботится о нас».

В селе Надежда, «в этом центре непримиримой оппозиции к земству», заинтересовались новшествами у соседей – старомарьевцев: «И у нас бы нужно школу для мужиков устроить, ведь и нам надо в солдаты идти». Жители Александрии, заведомо враждебно настроенные к земству, просили после показательной лекции, устроенной у них земством, «приезжать к ним еще и устроить лекции о земстве». Из села Александровского писали: «Заря новой жизни» – так наши александровские крестьяне называют то, что совершается сейчас около недавно возникшего здесь невиданного учреждения – народного дома. Каждый день около него – толпа стариков, людей среднего возраста, юношей, женщин, девушек. Это не гуляющая толпа, не балаганная, наконец, не кинематографная сельская публика. Что-то новое веет над нею. И выражение лиц новое, и разговоры для нашей сельской толпы совсем необычны. Из этой толпы человек в 200 одна четверть грамотна, была в начальной школе и проходит в народном доме, так сказать, внешние науки: историю, географию, природоведение. Остальные впервые приступили

к букварю, и каким просветлением горят их лица по мере передвижки дела вперед» [4, с. 35].

Губернское земство в условиях возрастания крестьянского интереса к нему и его работе обратило свое внимание даже на использование кинематографа как фактора внешкольного образования населения, и на четвертом чрезвычайном земском собрании было решено выделить – и это в условиях ведущейся войны – 1700 рублей на приобретение пяти кинематографических аппаратов системы «Кох» для открытых народных домов [4, с. 45].

Очевидно, что анализ деятельности Ставропольского земского управления в сфере повышения образовательного и культурного уровня населения через организацию и расширение диапазона форм и масштабов работы народных домов, проведенный лишь по материалам заседаний губернского земского собрания, показывает высокую степень заинтересованности, активности и успешности земцев в просвещении земляков накануне и даже в период Первой мировой войны. Такая деятельность ломала стереотипы враждебного отношения части ставропольского крестьянства к земской форме управления и позволяла постепенно выстраивать алгоритм организации и функционирования системы местного самоуправления, адекватного потребностям и особенностям России начала XX века. Активно развивающаяся экономика Ставрополя, в свою очередь, получала более образованного труженика, а сельское население губернии – возможность выхода на новый культурный уровень, отвечавший потребностям модернизационных преобразований в стране и регионе.

Литература

1. Булыгина Т. А. Некоторые тенденции социокультурного, хозяйственного и политического развития Северного Кавказа в конце 1960 – начале 1980-х годов (статья) // Наука, инновации, технологии. Гуманитарные науки. 2013. № 2.
2. Булыгина Т. А. Северный Кавказ в условиях трансформации российского общества в конце 1980 – начале 1990-х годов // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2013. № 6.
3. Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX – начало XX века. М.: РОСПЭН, 2007.

4. Доклады губернской земской управы по народному образованию третьему очередному губернскому земскому собранию 1915 года. Вып. 1. Ставрополь, 1916.
5. Невская Т. А. Очерки политической и правовой истории Северного Кавказа (XIX – начало XX вв.). Ставрополь; Краснодар: УФРС СК, 2006.
6. Невская Т. А. Очерки правовой и политической истории Северного Кавказа (XVIII – начало XX века). Пятигорск: РИА-КВМ, 2009.
7. Невская Т. А. Северный Кавказ в начале XX века. Очерки истории. Ставрополь: СКФУ, 2012.
8. Покотилова Т. Е. Феномен советской интеллигенции в современной реформе местного самоуправления // Местное самоуправление: вчера, сегодня, завтра. Ставрополь: ЗАО «Пресса», 2004.
9. Покотилова Т. Е. Общественная мобилизация в историческом измерении российских модернизационных процессов // Вестник Ставропольского государственного университета. 2011. № 77 (6).
10. Покотилова Т. Е. Общество и власть: из опыта успешного взаимодействия на Северном Кавказе в конце XIX – начале XX вв. // Политика и общество. 2011. № 11.
11. Судаев Н. Д. Земское и городское самоуправление в годы Первой мировой войны. М.; Ставрополь: Изд-во СГУ, 2001.
12. Судаев Н. Д. Ставропольское земство в революциях 1917 года. М.; Ставрополь: Изд-во СГУ, 1999.
13. Gerschenkron A. *Economic Backwardness in Historical Perspective* // Gerschenkron A. *Economic Backwardness in Historical Perspective. A Book of Essays*. Cambridge, 1962. P. 5–30.
14. Loo H. van der, Reijen U. van. *Modernisierung. Project and paradox*. München, 1992.

УДК 94(44).025-94(44).027

С. А. Польская

КОРОЛЕВСКИЕ КЛЯТВЫ КОРПОРАЦИЯМ ПАРИЖА: ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ СТОРОН (XIV–XV вв.)

Статья посвящена анализу дипломатических стратегий королевской власти и совокупности парижских корпораций (в первую очередь городских чиновников и духовенства) в условиях Столетней войны и последующего по ее окончании усиления прерогатив монархии.

Ключевые слова: Французское королевство, посткоронационный въезд, «клятва Королевству» (*leserment du Royaume*), королевское обещание (*promissio*), королевское обязательство (*la cedula*).

S. A. Polskaya

ROYAL OATHS TO PARIS CORPORATIONS: DIPLOMATIC STRATEGIES OF THE PARTIES (THE XIV – XV-th CENTURIES)

This article analyzes the diplomatic strategies of the royal power and the bunch of Paris corporations (primarily, corporations of city officials and clergy) in a Hundred Years' War and following strengthening of monarch's prerogatives.

Key words: Kingdom of France, post coronation entry, «the oath Kingdom» (*le serment du Royaume*), royal promise (*promissio*), Royal obligation (*la cedula*).

Посткоронационный въезд короля (*l'entrée royale*) в столицу своего домена, символизирующий его владетельные права, в основах своих процедур сформировался во Франции уже в конце XIII в.¹ Не-

посредственный момент проникновения за городские стены являлся особым жестуальным актом, когда делегация парижских корпораций выстраивалась в ожидании подъезжающего короля за стенами города (*extra muros*), с тем чтобы не только встретить его, но и вручить ему петицию (*la requête*)

¹ О формировании традиции, ее политических и имажологических смыслах, во избежание повторов, автор считает нужным сослаться на свои предыдущие статьи [12, 15].